

С. А. Амоненко

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье актуализируется проблема теоретических оснований исследования социальных кризисов в современных социально-гуманитарных науках. Отмечается эклектичность и неочевидность использования понятия «кризис» и его разновидности – «социальный кризис», как в современном научном дискурсе, так и на обыденном уровне словоупотребления. Предлагается модель применения понятия «социальный кризис» в исследовательских программах частных наук и философии (соответственно в «узком» и «широком» смысле). Показано, что данные модели не взаимоисключающие, а комплементарные друг к другу. Сделан вывод о необходимости философского осмысления феномена социального кризиса в целях его предупреждения и поиска путей преодоления.

Ключевые слова: кризис, социальный кризис, социальная динамика, итерационная семантическая модель, философская рефлексия

S. Amonenko

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE CONCEPT OF SOCIAL CRISIS: THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION AND RESEARCH METHODS

The article actualizes the problem of theoretical foundations for the study of social crises in modern socio-humanitarian sciences. It notes the eclecticism and non-obviousness of the use of the concept of “crisis” and its variety – “social crisis” both in modern scientific discourse and at the everyday level of word usage. We propose a model for applying the concept of “social crisis” in the research programs of the private sciences and philosophy (in the “narrow” and “broad” sense, respectively). It is shown that these models are not mutually exclusive, but complementary to each other. The conclusion on the need for philosophical understanding of the phenomenon of social crisis in order to prevent it and find ways to overcome it is made.

Keywords: crisis, social crisis, social dynamics, iterative semantic model, philosophical reflection

В исследовательских программах второй половины XX – начала XXI в. приведено немало разнообразных концепций и теорий, описывающих состояние и специфику современного социума. Нынешний этап общественного развития обозначают как «постиндустриальный», «информационный», «цифровой»,

«постэкономический» и т.д. Не вдаваясь в подробный анализ этих концепций и их аргументационную обоснованность, необходимо отметить следующий факт: несмотря на то, что основным, базовым элементом для концептуальной дескрипции современного общества в разнообразных исследовательских программах выступают различные сущности (социально-экономические, технологические, коммуникационные компоненты и т.д.), все эти стратегии, так или иначе, опираются на предположение, согласно которому современный социум вступает на качественно новый уровень своего развития, что неизбежно вызывает трансформации во всех сферах общественной жизни.

Для осмысления и анализа динамики современного социума используются понятия «переходного общества», «модернизирующегося общества», «транзитивного общества», в рамках которых общество трактуется в виде феномена, занимающего «некоторое промежуточное состояние в социальном пространстве между двумя различными функционирующими состояниями социума, находящимися в отношении строгого темпорального предшествования» [5, с. 159]. Таким образом, в социально-философской литературе происходит поворот исследовательского внимания от социальной статики – рассмотрения общества как целостного и застывшего конгломерата социальных институтов, макросоциальных структур, сложившихся и относительно устойчивых систем отношений, к социальной динамике – анализу самих изменений и возможных их следствий. Для решения этой важной задачи, философского исследования динамического характера современного социума, необходима выверенная социальная теория, апробированный понятийно-категориальный аппарат. «Как убеждает социальная практика последних лет, – отмечает Т. И. Адуло, – требуется более системное философско-теоретическое понимание механизмов функционирования социума для прогнозирования общественных процессов. Осуществить это можно путем диалектического синтеза двух планов исследования социума – абстрактно-теоретического и конкретно-исторического. Абстрактно-теоретический план предполагает разработку понятийно-категориального аппарата философии истории. В этом плане к числу приоритетных задач следует отнести *задачу создания системы понятий и категорий* (курсив наш. – С. А.), которая бы позволила на принятом в научном сообществе языке излагать авторское видение решения той или иной проблемы общественного бытия, дискутировать с оппонентами и т.д.» [2, с. 132].

Попытки рефлексии динамики общества как сложной и неинертной системы с неизбежностью приводят к необходимости осмысления понятия «кризис», выступающего в качестве системообразующего элемента в структуре процесса общественного развития.

Само понятие кризиса давно утвердилось в качестве одного из наиболее устоявшихся терминов, используемых при описании текущей ситуации в современном обществе. При этом данное понятие существует в бинарном режиме языкового использования. Во-первых, кризис выступает как слово естествен-

ного языка, понимаемое индивидами на уровне обыденного сознания. Так оно функционирует в современном потоке средств массовой информации, находясь в смысловом объединении с такими понятиями, как «нарушение», «дисфункция», «регресс» и т.д., зачастую превращаясь в «набившие оскомину разговоры о перманентном кризисе» [1, с. 79]. Во-вторых, понятие «кризис» выступает в качестве одной из фундаментальных категорий, используемых как в философском дискурсе, так и в дискурсе различных специальных наук, которые направлены на более глубокое постижение причин, сущностей и последствий тех структурных трансформаций, которые обозначаются как кризисные.

Данная семантическая двойственность выступает как первый камень преткновения, с которым сталкиваются исследователи феномена кризиса. Во-первых, очевидно, что понимание кризиса, само диагностирование некоей ситуации как кризисной, механизмы выявления ее причин и оценка последствий имеют свою уникальную специфику в различных областях научного знания. Во-вторых, использование слова «кризис» в повседневной речи создает иллюзию его очевидности и самопонятности. Это связано с уже указанными устойчивыми смысловыми коннотациями понятия «кризис», позволяющими людям использовать это слово и небезосновательно предполагать, что они будут поняты в пространстве повседневной коммуникации. Проблема возникает при переносе данного интуитивно-схватываемого понимания на уровень научного знания, изучающего феномены кризисных явлений в биологических, физических или социокультурных системах. Результатом такого смешения обыденного и специализированно-научного использования понятия является необоснованная уверенность в прозрачности и очевидности понятия «кризис» в его различных вербальных переменных, таких как: антропогенный кризис, экономический кризис, духовный кризис и т.д., что, в свою очередь, приводит к отсутствию четкого понимания самой онтологической природы кризиса, его сути. Таким образом, в рамках общественных наук наиболее размытым и проблематичным оказывается одно из самых используемых и фундаментальных понятий – «социальный кризис».

В самом общем смысле под социальным кризисом подразумевается дисфункция общественной системы и сферы межиндивидуальных отношений, вызванная конгломератом различных деструктивных явлений. Неудивительно, что в ситуации наличия социального кризиса, понимаемого как некое отклонение или нарушение существующего социального порядка, наибольшую актуальность как для властно-управленческого аппарата, так и для разнообразных научных исследовательских направлений, принимает вопрос о возможностях выхода из сложившегося кризисного положения, нивелировании деструктивных последствий кризиса и поиске новых устойчивых форм социальных структур. Это объясняется тем, что в своей критической форме общественный кризис требует немедленного реагирования, так как, с одной стороны,

социальный кризис прямым образом оказывает негативное влияние на жизнь большинства индивидов, включенных в данное общество, а с другой, – подрывая устоявшиеся, выполняющие регулирующие функции социальные институты, кризис может привести к полному коллапсу общественной системы, который может выражаться в суверенно-экономическом дефолте, нарушении деятельности социальных служб и кровопролитных столкновениях.

Однако при принятии тезиса о первоочередной необходимости поиска выходов из ситуации социального кризиса возникает закономерный вопрос: возможна ли адекватная стратегическая программа по преодолению кризисных ситуаций в социуме без предварительного исследования самого феномена возникшего социального кризиса, его глубинных оснований и структурных компонентов? И даже в случае удачного разрешения кризисного этапа социодинамики без обращения к фундаментальным исследованиям феномена социального кризиса непроясненными остаются как минимум два вопроса. Во-первых, можем ли мы утверждать, что предпринятые антикризисные меры действительно способствовали окончательному разрешению кризиса, а не краткосрочному моменту хрупкого и краткосрочного социального баланса, если мы не обладаем твердым знанием об основаниях и сущности возникшей кризисной ситуации? Во-вторых, как мы в таком случае можем обосновать закономерность успеха принятых антикризисных мер, а не его случайность? Как мы можем быть уверены, что не впали в логическое заблуждение *post hoc, ergo propter hoc*¹, подменив хронологическое следование следованием причинно-следственным?

В результате отказа от фундаментальных исследований в области социальных кризисов мы оказываемся перед ситуацией, наличие которой отмечал еще П. А. Сорокин, утверждая, что «если само наличие кризиса не вызывает сомнений, то этого никак нельзя сказать о его природе, причинах и последствиях» [9, с. 18].

Разрешение поставленных нами вопросов невозможно без системного анализа конкретных социальных кризисов в их пространственно-временных условиях и, более того, без постижения и исследования самого феномена социального кризиса как такового. На сегодняшний день уже сложилась теоретическая база для таких исследовательских направлений, как кризисный менеджмент или антикризисное управление. Однако данные программы ставят своей целью именно практическое разрешение кризисных ситуаций и не претендуют на фундаментальный уровень исследования феномена кризиса, что утверждают и сами исследователи, отмечая что «первостепенное значение в антикризисном управлении имеет быстрое принятие решений» [7, с. 16]. При данном ракурсе анализа проблемы ключевым становится вопрос: каким образом возможно постижение природы и сущности феномена социального кризиса?

---

¹ После этого, значит по причине этого (*лат.*).

Сложности с ответом на данный вопрос возникают уже на уровне дефиниции, так как на сегодняшний день само понятие кризиса не имеет однозначного толкования и, как уже отмечалось, многими воспринимается как самоочевидное на уровне обыденного словоупотребления. Историко-этимологически понятие «кризис» было образовано от глагола κρίνω, «который означал отделить, выбрать и порешить между двумя противоположными вариантами» [10, с. 71]. Само же слово «кризис» (κρίσις) в греческом языке «обозначало суд, разбор, судебное разбирательство, а также приговор, судебное решение» [8, с. 18]. Более широкое распространение это понятие получило в медицинской терминологии Гиппократов, где кризис рассматривался как решающий момент для определения возможности выздоровления организма. Позднее это понятие стало чаще использоваться в судебной практике, военной и политической теории, а уже в XIX в. «появляется выражение “экономический кризис”, которое обозначает коренное, отчетливое ухудшение состояния экономики» [10, с. 71].

Немецкий исследователь истории понятий Р. Козеллек отмечает, что уже к концу XVIII в. слово «кризис» становится одним из ключевых понятий для описания общества и его исторической динамики. Он выделяет три основные семантические модели его применения, которые могут быть обозначены как процессуальная, эсхатологическая и итерационная [11, S. 207]. Для первого варианта характерно понимание понятия кризиса как неизменного атрибута самой человеческой истории, постоянно длящегося процесса упадка и деградации. Вторая модель представляет концепт кризиса в горизонтах будущего, как неизбежную конечную точку развертывания исторического процесса, финальный момент, знаменующий собой завершение самой истории. Согласно третьей семантической модели, кризис выступает как единичный процесс, периодически повторяющийся в ходе истории, вызывающий распад существующей системы социальных отношений и, как следствие, формирование новых, относительно упорядоченных, конфигураций социальных элементов.

При использовании разработанной Р. Козеллеком концепции моделей применения понятия «кризис» становится очевидным, что именно итерационная семантическая модель, подразумевающая повторяющийся и этапный, деструктивный и трансформационный характер кризисов, становится доминирующей как в обыденном сознании, так и в различных областях научного и философского знания. В качестве центральных принципов построения этой модели можно выделить дискретность кризиса как процесса и его деструктивный характер по отношению к наличествующей системе. Подобная трактовка самого концепта кризиса является основой для обозначения наличествующих ситуаций как кризисных в разнообразных сферах жизнедеятельности: экономической, юридически-правовой, духовно-нравственной, экологической и т.д. Стоит отметить, что на сегодняшний день все интенсивней распространяются исследования, в основном в рамках системного и социально-синергетического

подходов, фиксирующие «амбивалентный, деструктивно-созидательный характер кризиса в процессах трансформации социума» [4, с. 96] и акцентирующие свой теоретический интерес на позитивном, творческо-созидательном потенциале кризисных ситуаций в сложноорганизованных системах. Но данные исследовательские стратегии остаются в рамках описанной итерационной семантической модели использования понятия кризис, так как выделенные нами основные положения данной модели в них не отвергаются.

Таким образом, под кризисом понимается комплексное многоуровневое явление, отличающееся хаотичностью и неуправляемостью, выступающее как препятствие устоявшегося, «нормального» функционирования какой-либо системы и вызывающее полную деструкцию или временную ее дезинтеграцию. Исключением не является и общество как социальная система, которая включает в себя все многообразие различных взаимодействий между индивидами и общественными институциями. Кризис общественной системы обозначается как социальный кризис, однако ввиду полисемантической использования самих терминов «общество» и «социальное» данное понятие нуждается в дополнительных истолкованиях и прояснениях. Более того, выступая как сложноорганизованная система, общество включает в себя огромное количество подструктур и социальных связей: экономических, технико-технологических, духовно-культурных, политических и биополитических, межгосударственных и иных, – на микро- и макро-социальных уровнях. Вследствие этого на сегодняшний день мы располагаем множеством дефиниций понятия «социальный кризис» в зависимости от того, с исследовательской оптикой какой науки анализируется это явление и на какой конкретный аспект оно направлено. Безусловно, огромное множество толкований социальных кризисов, их сущностей и причин можно обнаружить в работах философов, занимавшихся и занимающихся проблемами общества и социальной динамики, даже если дефиниция понятия «социальный кризис» не дается в их трудах напрямую. Однако в рамках данной статьи более целесообразным будет не вдаваться в историко-философские изыскания, перечисляя ряд мыслителей и пробуя реконструировать их трактовки социальных кризисов, а попытаться выделить существующие в настоящее время модели использования, рассматриваемого в рамках данной статьи понятия.

В философской и научно-исследовательской литературе сложилась разветвленная типологизация социальных кризисов, базирующаяся на разнообразных основаниях и критериях. Так, социальные кризисы классифицируют по признаку очевидности (явные и неявные), по характеру причин (объективные и субъективные), по длительности протекания (краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные), по масштабу распространения (локальные, региональные, глобальные) и т.д. Само же понятие социального кризиса может рассматриваться в «узком» и «широком» смыслах его использования [6, с. 109],

что соответствует типологизации социальных кризисов на частичный и общий. В «узком» смысле социальный кризис понимается как временное нарушение функционирования одной из сфер жизнедеятельности социума или социального института. Прежде всего это относится к социально-политической сфере, в которую включаются системы социальной защиты индивидов, социального обеспечения, социальных гарантий и легитимации власти, что сопровождается повышением уровня социального дискомфорта и напряженности индивидов. Но при использовании понятия «социальный кризис» в «узком» смысле нарушения в функционировании других сфер общественной жизни, будь то сфера экономики или права, также обозначаются как социальные кризисы. В «широком» смысле понятие социального кризиса применяется для обозначения ситуаций структурных функциональных нарушений в обществе, интерпретируемом как холистическая система, то есть не просто включающем в себя разнообразные сферы общественных отношений и субъектов социального действия, но устанавливающим между ними настолько прочные связи, что проявления кризисов в одной из них с необходимостью отражаются в других общественных подсистемах. Таким образом, при использовании рассматриваемого понятия в «широком» интерпретационном смысле социальный кризис понимается как нарушение сбалансированности внутри социальной системы, потенциально грозящее ей гибелью и делающее невозможным стабильное, устойчивое развитие общества в целом. Разные методологические направления выделяют различные факторы, вызывающие эти качественные отклонения: обострение социальных противоречий, дисфункции институциональных и социальных связей, нарушения потока внутри сетевых взаимодействий и др.

Каковы теоретические следствия принятия такого семантического разделения понятия социального кризиса на «узкий» и «широкой» интерпретационный контекст?

Все концепции, пытающиеся помыслить социальный кризис в его «широком» смысле, развертываются с указания на фундаментальные основания возникновения социальных кризисов, то есть на некие элементы, задающие саму матрицу общественной жизни и трансформация статус-кво которых является тем зерном, из которого произрастают социальные кризисы. Таким образом, использование понятия социального кризиса в «широком» смысле предполагает наличие определенного социально-онтологического проекта, который в рамках своей теоретико-методологической программы располагал бы инструментарием для вычленения сущности социальных кризисов.

Подобный подход, нацеленный на выявление самой сущности социальности, оперируя логико-теоретическими средствами и тем самым отдаляясь от эмпирического наблюдения социальных фактов, присущ тем интеллектуальным практикам, которые исторически обозначаются социальной философией. Именно в рамках данной дисциплины с Античности и до наших дней создавались противоборствующие концепции, направления и школы, нацеленные

на раскрытие природы того, что называется обществом. Социальный кризис, безусловно рассматриваемый ими по-разному, всегда определялся как объективный фактор общественной жизни, вписанный в саму онтологию социального. Однако, несмотря на структурность и логическую непротиворечивость характера такого подхода, ему не удалось избежать обвинений в излишней «теоретичности», «абстрактности» и в целом оторванности от жизни. Казалось, что данные теории имплицитно не содержат в себе сведения, позволяющие с очевидностью сделать логический вывод о том, какими конкретными методами мы должны исследовать феномены социальных кризисов, как возможно использовать данные теоретические построения в реальном предотвращении кризисов и в итоге как мы можем эффективно противостоять кризисным явлениям.

Между тем мы можем использовать понятие социального кризиса в его «узком» смысле. Под социальными кризисами в этом случае понимается ряд взаимосвязанных деструктивных явлений в обособленной социально-политической сфере, таких как: делигитимация власти в сознании больших общественных масс, разрушение структур, обеспечивающих механизм «социального лифта», прекращение идентификации себя как общественной целостности населения и т.д. Причинами подобных кризисов может выступать множество факторов, начиная от более структурных (например, неспособность социальных институтов удовлетворять потребности населения и обеспечивать нормальное общественное развитие) до более практико-прикладных, таких как не имеющие поддержки широких слоев населения социальные реформы или борьба и соперничество различных представителей политической элиты. Стоит отметить, что подобный подход к обозначению дефиниции социального кризиса и поиску последующих практических путей его разрешения опирается в теоретическом плане на более фундаментальные социально-онтологические основания, согласно которым основные сферы, выделяемые в структуре общественной жизни (материально-производительная, духовно-культурная, социально-политическая и т.д.), являются в достаточной мере автономными и представляют собой целостные, интегральные системы. При этом данная оптика исследования принимает как самоочевидный факт то, что принципиально возможно при анализе кризисной ситуации в конкретно-историческом обществе ретроспективно установить ту детерминирующую сферу жизни социума, кризисные явления в которой негативно отразились на всем обществе как таковом.

Исходя из того, какая сфера определяется как детерминирующая, и происходит наименование кризисных ситуаций: экономический кризис, эпидемиологический кризис, идеологический кризис и т.д. Социальный кризис представляется как один из множества потенциальных кризисов в общественной жизни. Подобная интерпретация отказывается от претензий на фундаментальное исследование общества как суперсистемы, акцентируя свое внимание на его партикулярных элементах. Изучение же феноменов социальных кризисов

приобретает конкретно-исторический и узкоспециализированный характер и возлагается на «плечи» частных наук, которые своим непосредственным объектом анализа имеют социально-политическую сферу общественной жизни – от политологии и теории государства и права до регионалистики и теории политического администрирования. Таким образом, использование понятия социального кризиса в «узком» интерпретационном смысле, на первый взгляд, вступает в противоречие с интерпретацией этого термина в указанном нами «широком» смысле, стремящейся описать феномен социального кризиса как явление, которое относится к социуму как холистическому единству, то есть выходящему за границы отдельных областей общественной жизни. Происходит отказ от попыток поиска глубинных, онтологических оснований социальных кризисов в пользу более прикладного и наглядного подхода, отсылающего исследования феномена социального кризиса к многочисленным частнонаучным дисциплинам.

Признавая очевидные достоинства данного подхода к интерпретации феномена социального кризиса, включающего в себя четкость дескрипции пространства «социального», в котором обнаруживаются кризисные явления, вытекающую из этого относительную простоту поиска причин и оснований социальных кризисов, ясность при выборе тактик по удержанию и нивелированию этих явлений, представляется необходимым указать на слабые места, лежащие в основании теоретического фундамента данного интерпретационно-исследовательского подхода, и те следствия, которые данная стратегия влечет за собой.

Во-первых, это нивелирование взаимообусловленной связи между общественными подсистемами и редукция всей сложноорганизованной социальной структуры к одному из ее элементов, объявляющимся детерминирующим в сложившейся кризисной ситуации. Однако происходящие в XXI веке кризисы (к примеру, эпидемиологический кризис COVID-19) наглядно продемонстрировали неразрывную связь всех общественных подсистем в современном глобальном мире.

Во-вторых, эклектика в понимании самой природы социальных кризисов, которая является следствием вышеуказанного редукционизма. Понятие социального кризиса трактуется в зависимости от той дисциплины, объектом которой он выступает в данный момент. Это ведет к невозможности создания интегральной, междисциплинарной концепции социального кризиса, без которой объединение усилий исследователей из разных областей научного знания оказывается принципиально затруднено.

В-третьих, приоритет нацеленности на борьбу с последствиями социальных кризисов, над постижением онтологических, объективных оснований их возникновения. Конечно, понимание феномена социального кризиса исключительно в «узком» интерпретационном смысле приводит к созданию специализированных исследовательских направлений, таких как антикризисное

управление, кризисный менеджмент, менеджмент рисков и т.д. Однако целью этих программ мировой кризисной аналитики, как уже отмечалось, является не разработка концепций сущности социальных кризисов, а наиболее эффективное принятие решений по стабилизации кризисной ситуации. При этом под самим кризисом часто понимается, по меткому критическому замечанию И. Валлерстайна, «нечто такое, что стремятся “преодолеть” так быстро, как только возможно, чтобы избежать в результате ужасных (часто неопределенных) последствий» [3, с. 109].

В-четвертых, данный отказ от попыток фундаментальных исследований социальных кризисов на практике приводит к отсутствию долгосрочного целеполагания в области антикризисных мер, что, в свою очередь, сводит практику управления к множеству «коротких программ» с отсутствием единой методологии изучения и предупреждения кризисов.

Означенные в настоящей статье проблемы могут быть решены лишь путем снятия кажущегося противоречия между «узким» – частнонаучным и «широким» – философскими подходами к исследованию феномена социального кризиса. Именно философская рефлексия может претендовать на попытку поиска истоков явлений и вычленения объективных структурных взаимосвязей между ними, лежащих за пределами их статистическими и эмпирическими проявлениями. Вопрос о природе и сущности социальных кризисов может быть решен лишь в контексте социально-философской проблематики, включающей в себя вопросы о сущности социального, истоков и движущих сил общественной динамики и т.д. Однако социально-философская теоретическая мысль не может адекватно отражать и анализировать динамику современного общества без обращения к самой общественной реальности происходящих в ней процессов и существующих социальных противоречий. В противном случае философия рискует превратиться в некие лишённые реальной наполненности абстракции, которые невозможно верифицировать ни на эмпирическом уровне исследования, ни, зачастую, на логическом уровне аргументации.

Таким образом, частнонаучные и философские подходы к исследованию феноменов социальных кризисов не взаимоисключающи, а комплементарны друг к другу: философское знание снабжает частные исследовательские программы базовыми онтологическими представлениями об изучаемых объектах, а те в свою очередь аккумулируют новое знание о социальной действительности, тем самым позволяя философским теориям корректировать и умножать свой эвристический потенциал. И только этим путем – путем философской рефлексии, возможно прийти к построению фундаментальной теории, объясняющей сущность социальных кризисов, их онтологический статус в общественном бытии и глубинные причины их возникновения, без чего невозможно адекватное прогнозирование социальных кризисов, разработка методов их предупреждения и путей преодоления.

Список использованных источников

1. Аванесян, А. Критика – кризис – акселерация / А. Аванесян // Логос. – 2018. – № 2 (123). – С. 79–86.
2. Адуло, Т. И. Философская рефлексия современной социальности / Т. И. Адуло // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2021. – Вып. 8. – С. 125–136.
3. Валлерстайн, И. Типология кризисов в миросистеме / И. Валлерстайн // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб. : Университет. кн., 2001. – С. 109–130.
4. Колядко, И. Н. Кризис в процессах трансформации социума: социально-философский анализ / И. Н. Колядко // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2018. – Вып. 5. – С. 87–98.
5. Попов, В. В. Транзитивное общество: опыт концептуализации / В. В. Попов, О. А. Музыка, С. А. Киселев // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2016. – № 12 (54), ч. 2. – С. 159–161.
6. Падерин, В. К. Социальный кризис и инновационное развитие как условие его преодоления / В. К. Падерин, И. Э. Вильданов // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 2. – С. 107–113.
7. Сазерленд, Дж. Стратегический менеджмент: ключевые понятия / Дж. Сазерленд, Д. Кэнуэлл. – Днепропетровск : Баланс Бизнес Букс, 2005. – 440 с.
8. Сидорина, Т. Ю. Философия кризиса : учеб. пособие / Т. Ю. Сидорина. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 456 с.
9. Сорокин, П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / П. А. Сорокин. – Сыктывкар : ООО «Анбур», 2018. – 640 с.
10. Шубрт, И. Размышления о понятии «кризис» / И. Шубрт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6 (36). – С. 70–84.
11. Koselleck, R. Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache / R. Koselleck. – Frankfurt a/Main : Suhrkamp, 2006. – 560 S.